

Якопо Саннадзаро

Аркадия

К свирели

Вот тут и оканчиваются твои тяготы, о, безыскусная лесная свирель, достойная простотой своей оживать в руках не образованнейшего, но счастливейшего пастуха, коим я не являюсь. Моим устам и рукам моим недолго служила ты любезным упражнением, и теперь, как желают того божественные фаты, вместе с печатью долгого молчания наложишь ты на них, быть может, и вечный покой. Потому-то было бы мне радостно, перед тем, как под опытными пальцами станешь ты по всей науке изливать гармонию свою, от моих уст злосчастливым случаем оторванная, извлечь незатейливые ноты, рождаемые скорее, чтобы утешить невзыскательных овечек в рощах, нежели учёных жителей городов; поступая как тот, кто, раздосадованный ночными набегами на свои сады, обрывает надменной рукой незрелые фрукты с отягощённых веток; или же как суровый пахарь, который в кронах высоких деревьев прежде времени спешит со всех гнёзд неоперившихся птенцов собрать, беспокоясь, как бы не привлекли они внимания змей или пастухов. И потому-то прошу тебя и, как могу, предостерегаю, чтобы, первобытной простотою своей удовольствовавшись, этих пустынных мест ты не покидала.

Не подобает тебе бродить по свету в поисках княжеских дворцов и многолюдных городов с их прекрасными площадями, в чаянии шумных рукоплесканий, ненадёжных покровительств, тщеславных восхвалений, пустейшего угодничества, фальшивых соблазнов, бессмысленной и

неприкрытой лести переменчивой черни. Твои смиренные звуки пробивались бы лишь едва сквозь рёв устрашающего военного рога или королевских труб. Тебе довольно будет и тут, среди этих холмов, быть дыханием какого-то пастуха наполненной, призывая внемлющие рощи повторять имя госпожи твоей и горько оплакивать с тобой жестокие и неожиданные обстоятельства её преждевременной смерти, убедительнейший повод вечных моих слёз и скорбной и безутешной жизни, влачимой мною; если можно ещё назвать живым того, кто под глубокими горестями погребён.

Так вот же плачь, плачь, злополучная, ты имеешь на это полное право. Плачь, горемычная вдова, плачь, несчастная и оклеветанная, лишённая самого ценного, что было даровано тебе небесами. Пусть звучит без устали плач твой, и твои жалобы об ужаснейших злключениях, пока хоть частица тебя остаётся в этих рощах, изливая тоскливые трели, что несчастьем твоему и плачевному положению более всего подобает. А если какой-нибудь пастух волей случая весёлыми шутками вздумает тебя испытывать, то наперёд покажи ему, что ты умеешь лишь плакать и жаловаться, а затем при всяком случае убеждай его достовернейшими доказательствами, что в этом суть твоя, без конца издавая, наполненная его дыханием, горестный и жалобный звук; таким образом, чтобы, страшась навести тоску на празднествах своих, был он вынужден убрать тебя от уст подальше и оставить тебя с миром висеть на этом дереве, которому я тебя нынче со вздохами и обильнейшими слезами посвящаю, в память о той, что стала главнейшей причиной всего, что до этого дня мною было написано, и вследствие чьей внезапной смерти нет больше никакого повода ни мне писать, ни тебе заливаться.

Нет больше Муз наших; иссохли наши лавровые деревья; в запустении наш Парнас; рощи все погрузились в молчание; долины и холмы объаты горем. В лесах уж не увидишь больше нимф или сатиров; не льются пастушеские песни; гурты и стада едва щиплют траву на лугах и грязными копытами в бешенстве мутят воды источников, и, лишённые молока, не

удосуживаются более заботиться о пропитании потомства. Хищники покидают обжитые берлоги; птицы стремятся прочь от своих уютных гнёздышек; жестокие и обезумевшие деревья, не дождавшись, пока плоды их должным образом созреют, сбрасывают их на землю; и нежные цветы среди печальных полей увядают все разом. Несчастные пчёлы оставляют пропадать в сотах едва взявшийся, невызревший мёд. Всё потеряно, всякая надежда рухнула, всякое утешение погибло.

Не остаётся для тебя теперь ничего другого, моя свирель, как сетовать, днём и ночью с настойчивым упорством печалиться. Так печалься, о горестнейшая; печалься, как только можешь, о ненасытной смерти, о небе, глухом к мольбам, о безучастных звёздах, и о твоих несправедливейших фатах жалуйся. И если случится, что среди этих ветвей ветер, качнув, оживит тебя своим дуновением, только жалобный крик твой пусть будет слышен, покуда хватит тебе дыхания.

Не беспокойся, если кто-нибудь, привычный, быть может, к более изысканным звукам, станет насмехаться презрительно над твоей простотой или назовёт тебя незатейливой; что по правде, если хорошо подумать, есть тебе настоящая и главнейшая похвала, если только не покинешь ты лесов и мест, тебе подобающих. Там, где всё ещё, знаю я, не будет недостатка в тех, которые, со строгим суждением выслушивая слова твои, укажут тебе, что не должно пренебрегать хоть в чём-либо пастушескими законами, и отправляться за пределы мест, по рождению надлежащих. Вот им, признавши наивно вину свою, отвечай, как я желаю, что ни один пахарь не научится с превеликой ловкостью борозды размечать, когда не сможет поручиться, что будет всегда неуклонно и ровно вести их вперёд. Хотя тебе немалым прощением послужит, что ты в ту пору будешь первой, кто оживит объятые сном рощи, и пастухов давно забытые песни петь научит. Тем паче, что тот, кто, пришед в Аркадию, из тростника тебя смастерил, появился в этих местах не неотёсанным пастухом, но образованнейшим, хотя и неизвестным,

бегущим от любви юношей. Не говоря уж о том, что в прежние времена бывали пастухи столь удалые, что слава об игре их до римских консулов долетала; под сенью памяти их ты сможешь, моя свирель, найти надёжную защиту и правоту свою с пылкостью отстаивать.

Но если, быть может, волею судьбы, другой человек тебе встретится, по природе добросердечный, который, слушая тебя с жалостью, несколько душевных слезинок проронит, вознеси о нём, не медля, жаркие молитвы к Богу, чтобы, оставив его пребывать в его счастья, от наших бедствий его отворотил. Потому что, воистину, кто о чужих невзгодах горюет, тот себя в своих бедах вспоминает. Но, думается мне, такие редко встретятся, это диковинные птицы; коли много таких было бы на белом свете, в великое смятение бы пришли клеветники да сплетники. И если тебе суждено с такими столкнуться, ума не приложу, каким оружием против них снабдить тебя я бы мог, если только не умолять тебя сердечно готовой быть, как можно более смиренно настроившись, их щелчки терпеливо сносить. Хотя кажется мне наверное, что тягот этих удастся тебе избежать, ежели среди рощ, как мною тебе назначено, согласишься ты без пышности, в уединении остаться. Так вот будь той, что, не возвышаясь, не боится падения; а кому доведётся на ровном месте оступиться, как изредка случается, тот сам без посторонней помощи и без ущерба для себя поднимается. Посему истинным и несомненным считать можешь, что тот, кто в наибольшем уединении и от скоплений человеческих в наибольшем отдалении живёт, тот лучше живёт; и кто среди смертных поистине блаженным назвать себя может, так это тот, кто без зависти к возвышению других, смиренный духом, судьбой своей довольствуется.

Пер.: Полина Борисовна Дроздова